

Старая Одесса: меры и веса Фрагменты историко-бытового очерка

Ссылаясь на архивные документы, А.М. Де Рибас приводит курьезный сюжет из жизни первобытной Одессы, касающийся полной неразберихи с мерами и весами. Местный купец Николай Попандупуло приобрел доставленный в город транспорт в 19 бочек греческого вина. Произведя обмер, городской арендатор весов получил результат: означенные 19 бочек составляют 1042 ведра и 5 кварт. Подобное заключение показалось покупателю сомнительным, и он договорился о повторении той же операции с частным лицом. На этот раз количество вина было определено в 1032 ведра и 4 кварты. Убедившись в солидном расхождении, Попандупуло обратился к третьему мерщику — прежнему арендатору городских мер и весов. Окончательный результат составил всего-навсего 996 ведер и 1 кварту. Поистине анекдотическая ситуация отменно представляет значимость проблемы мер и весов с самого младенчества Одессы.

Отчего же при измерении объема жидкости получалась такая колоссальная разница — в десятки ведер? Можно ли списать ее исключительно на недобросовестность и шулерство мерщиков? Разумеется, нельзя. Суть дела в том, что отечественная система мер и весов в то время была еще недостаточно отрегулирована. Кроме того, в разных странах пользовались собственными традиционными мерами, не было и какой-то строго оговоренной международной унификации. Вот и в данном случае, если с "квартой" (примерно 1 литр) еще более-менее ясно, то с "ведром" дело обстоит куда сложнее. Судя по всему, в первом случае мерщики пользовались, скажем так, "квартовым ведром", а в последнем — "штофным" (штоф — 1,23 литра). То есть в первом объем ведра мог составлять около 10 литров, а во втором порядка 12-ти. Вот и выходило, что при измерении погрешность могла достигать 20%. К этому можно прибавить, что и российское ведро далеко не всегда составляло 10 штофов. Нечего говорить про объем винных бутылок — тут даже столетие спустя разноразной составлял и более 20%. Довольно часто встречаются сообщения о том, что французские вина реализуются в объемах то 16, то 17 бутылок на ведро. А негоцианты, ес-

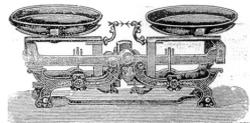

ВѢСЫ СИСТЕМЫ ВЕРАНЖЕ.

Рас. 708, съ мѣдными чашками.

	На	1	2	3	5	10	15	20	25	30 кило.	
ранко-Москва Р.		5.75	6.10	7.35	8.65	9.65	11.60	13.90	19.—	26.25 к.	Нетто безъ скидки.

	„	Варшава	7.50	8.10	8.40	10.40	12.—	14.90	18.55	26.50	37.50 к.	„Со скидкой 40%.
			Рас. 708.									

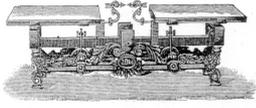
Рас. 708.

Цѣны франко-Москва понимаются съ клейменемъ.
 „ Варшава „ безъ клейма.

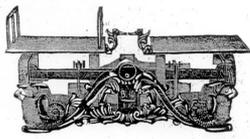
За клеймение вѣсовъ дѣлается наложенный платежъ:

На 1 и 2 кило по Руб. — 70 к.
Отъ 3 до 30 кило „ 1.50 „

Рас. 710.

Рас. 709. Съ одной чашк., и друг. ирам. доск. франко-Москва Р. — 10.50 11.70 13.90 16.25 21.65 29.50 „
 „ 710. Съ цѣпок., выслер. досками франко-Москва

	На	5	10	15	20	25	30 кило
франко-Москва Р.		10.50	11.70	13.90	16.25	21.65	29.50 „
		Нетто безъ скидки.					

Рас. 711.

тественно, хотели четко понимать, что означают какие-нибудь оксофты, пинты, галлоны, джилли, пипы и анкеры в пересчете на русские штофы или польские кварты — не котэ же в мешке покупать.

Согласно архивным материалам, уже в 1796 году городской магистрат совместно с городской думой "отдали в сходство Городового положения городовому старосте Беломорскому на годовой откуп веса и меры градские по сделанному с ним контракту за 2.500 руб.". В 1797 году 42-летний Иван Беломорский был записан в первую гильдию одесского купечества с объявленным капиталом в 10.010 рублей. В "Ведомости о купечестве Новороссийской губернии за 1798 год" объявленный им капитал составляет 18 тысяч рублей, при этом указано, что Беломорский ведет торг в России на сумму 135 тысяч, содержит винный откуп в Курской губернии, а в Одессе владеет домом с погребом и двумя лавками. Из реестра одесских купцов от 31 января 1800 года следует также, что он холост или, по крайней мере, живет здесь без семьи. Фамилия Беломорский свидетельствует о его греческом происхождении. Беломорьем именовали Средиземное море (Aspri Thalassa) и нередко Архипелаг, в том числе — группу островов в Эгейском море, Спорадских и Кикладских. Так, в числе лиц, зачисленных во вторую гильдию одесского купечества в 1799 году, значится, например, "Иван Николаев, сын Палеолого" "из Беломории города Патмуса" (правильно — Патмос, город на одноименном острове).

Как видно из архивных документов, на которые ссылается тот же А. Орлов, в 1798 году приход в городскую казну "за весы, отданные на откуп" был довольно значительным по тем временам — 1730 рублей, — того же порядка, что и доход с питейных заведений. Кстати говоря, винный откуп находился в тесной взаимосвязи с теми же мерами и весами — по причине отчасти уже обозначенной выше. А когда речь шла уже не об оптовой, а о мелочной — раздробительной, как тогда говорили, — продаже, всякий потребитель "горячего вина" сталкивался с ней непосредственно. В самом деле, чем ему станут отмерять питье в трактире, харчевне, шинке? На заре одесской торговли крепкими напитками этот вопрос оставался почти неразрешимым. Во всяком случае, более или менее точная мерная тара начала появляться после 1801-1802, а затем — после 1833-1835 годов, когда правительство несколько усовершенствовало систему мер и весов: клейменные гири и меры должны были поступать в город исключительно из Александровского завода. Позднее их стали изготовлять и клеймить прямо на месте по присылаемым образцам, но к этой проблеме мы вернемся ниже.

Вслед за Беломорским городские весы арендовали небезызвестные в старой Одессе негоцианты Горголи и Авчинников. Одесский купец "Дмитрий Евстратьев, сын Горголи", 1746 года рождения, как пишут, обосновался в Хаджибее еще до основания Одессы. В 1799 году его супруге Параскеве было 30 лет, сыну Ивану — 9, дочерям: Екатерине — 5, а Панайоте и Софии — по 4. Как видно из метрических книг греческой Свято-Троицкой церкви, семейство и в дальнейшем разрасталось. 29 июля 1801 года у Дмитрия и Параскевы родился сын Илия, 4 ноября 1806-го — дочь Елена, 10 января 1808-го — сын Стефан, а 12 июня 1811 года дочь Екатерина, ровесница Одессы, вступила в брак с Иваном Папетико в присутствии свидетелей, одесских купцов Анастасия Иванова и Георгия Христодуло. В 1798 году Дмитрий Горголи числится одесским купцом третьей гильдии, объявившим капитал в 2100 рублей, "упражняется в продаже съестных припасов", владеет каменным домом, состоящим из трех флигелей, "15-ти покоев" и подвала. В ведомости местам, розданным под застройку 15 сентября 1794 года, между прочим, упомянут и некий "артиллерии подпоручик Горголий", получивший место № 77 в X квартале Военного форштадта. Судя по всему, этот военный и наш купец — одно и то же лицо.

Что касается Василия Ивановича Авчинникова (Овчинникова), то это основоположник знаменитой впоследствии фамилии, давшей название одноименному переулку и торговому ряду, примыкающему к Александ-

Рис. 732.

ВѢСЫ ДЛЯ ПИСЕМЪ.

На 4 8 лотовъ.

Рис. 732, английскіе за дюж. Р. 2 40 4.— к.

ВѢСЫ ДЛЯ ПИСЕМЪ „ПАТЕНТЪ“.

Легкіе. Плотные.

Рис. 733. за штуку Руб. —.75 1.05 к.

На трехъ ножкахъ, легкіе, на 8 лотъ за шт. Руб. —.30 к.

Рис. 733.

ровскому проспекту. В реестре 1798 года он значится одесским купцом третьей гильдии с объявленным капиталом 2100 рублей и при этом отпускает товаров на 7000 рублей. Здесь же указано: "Содержит откупы полпива и меда от откупщика Яншина с кредитом". То есть по контракту с казной оптовая торговля отечественными крепкими напитками находилась в руках упомянутого откупщика, "который собственно одесскую передал Авчинникову". В ведомости одесских купцов от 31 января 1800 года Авчинников числится по той же третьей гильдии, причем в его семействе — четверо особ мужского пола: вероятно, брат Иван и сыновья. Несмотря на корчемство, винный откуп был, конечно, делом чрезвычайно прибыльным. От него в значительной степени зависела доходная часть городского бюджета. Когда с устройством порто-франко винный откуп был временно отменен, город потерял несколько сотен тысяч рублей ежегодного дохода! Довольно будет лишь перечислить фамилии местных откупщиков — видных фигурантов региональной истории: Фундуклей, Гари, Кошелев, Шостак, Маразли-старший, Исленьев, Абаза.

Покойный Н. Кобзарь ошибочно относит первое упоминание о городской институции мер и весов к 1808 году, когда их откупщик на Греческом базаре, Фроим Барнас, обращался в Думу с прошением "о сделании новых весов и мер в связи с ветхостью имеющихся". Даже из самого контекста этого прошения явствует, что весы уже достаточно долго прослужили, коль скоро пришли в ветхость. Городские весы имелись в это время также на Вольном рынке (Старом базаре) и Новом базаре. Кроме того, функционировал и отдельный казенный офис городских мер и весов на Тираспольской площади, Между Преображенской и Тираспольской улицами, о котором мы еще вспомним.

Откуп мер и весов давал городу относительно немного: в начале

1820-х — 9.400 рублей, а десятью годами позднее — 18.680 рублей, включая сборы за клеймение оных. Впрочем, эта статья дохода была вполне сопоставима или превышала, скажем, сборы с трактирных заведений, кондитерских, извозчиков, общественных имуществ, ластовый сбор и др. Упоминание о сборе за клеймение весов и мер лишний раз свидетельствует о том, что, по крайней мере, в начале 1830-х Одесса сама производила некоторые из них по образцам Александровского завода. В городской управе сверкой и клеймением занимался чиновник, обычно, как и в таможене, именуемый экером. Очевидно, поначалу дело ограничивалось изготовлением мерной тары. А делали ее по заказам Одесской откупной конторы питейных сборов. Так, с 1843 года откупщики Аггей и Михаил Абаза, получившие откуп и в 1847-м, продавали хозяевам питейных заведений медные клейменные мерные кружки в 10-ю, 20-ю, 50-ю, 100-ю и 200-ю часть ведра по умеренным ценам.

То есть горячительные напитки отмерялись по нисходящей следующим образом: 1,23 л, 0,615 л, 0,246 л, 0,123 л, 0,0615 л. Вот откуда взялась прежняя размерность водочной бутылки — 0,61 л, использовавшаяся и после революции. В просторечии рюмка водки составляла 60 грамм (примерно 1/200 ведра), "большая рюмка водки" — около 120 грамм (1/100 ведра). Впоследствии для трех маленьких размерностей специально отливались прозрачные стеклянные бутылочки, именовавшиеся "жуликами", "шкаликами" и "косушками", а для двух "взрослых" — пирамидальные штофы и полуштофы, как правило, коричневого и зеленого стекла. Помимо перечисленных имелись четвертные медные мерки, чуть не кастрюльки, соответственно в 3,075 л. Такая тара, а равно штофная и полуштофная, кстати говоря, широко использовались и в домашнем хозяйстве, приравниваясь к кофейным джезвам, что неудивительно, поскольку встречаются образцы в виде черпаков. Донышко "четверти" обычно укреплялось для жесткости припаянной снаружи металлической решеткой. Выпускались, конечно, и четвертные бутылки, но это было гораздо позднее.

Мерные кружки изготовлялись местными ремесленниками — медниками и лудильщиками, преимущественно евреями и немцами, мастерские которых примыкали к Еврейской улице и Лютеранской площади: И. и М. Биберманами, Вайнштейном, Г. Гамаром, М. Гольтвардом, К. Кецнером, И. Котляром, А. Куперманом, В. Пешовым, Л. Сарантом, Шнипом. В "Новороссийском календаре на 1845 год", изданном в 1844-м, в числе медников появляется Соколовский, выученик немецких ремесленников, а немного позже — Пинкус, два мастера, в течение многих последующих

лет собственноручно продуцировавших превосходную медную тару всех размерностей.

Краевед Н. Кобзарь ошибочно утверждает, будто между 1842 и 1876 годами, то есть в течение 34-х лет в Одессе не сыскалось охотников изготавливать всевозможные меры и весы, о чем настоятельно взывали власти, и что только в 1876 году мастер котельного цеха мещанин Шмуль Пинкус впервые приступил к этому важному делу. Заявление абсурдное. До нас не только дошло значительное число образцов мерок разных мастеров, в том числе и Шмуля Пинкуса (да и текстовых указаний о том, что именно он продуцировал меры и весы), маркированных в одесской городской управе задолго до 1876 года, но мы имеем и надежные сведения относительно того, что даже гири, коромысла весов и т. д. отливались и доводились до клеймения на заводе механика Ришельевского лицея Э. Фалька уже в середине 1840-х.

Вы можете сами подержать в руках изысканные мерные кружки Блехмана, Пинкуса, Симановского, Степанского, Шейнкера, Цукермана и других мастеров, изготовленные в 1860-1890-х: в моей коллекции есть все размерности, причем некоторых — по несколько. Недавно по просьбе директора Музея истории евреев Одессы Михаила Рашковецкого я атрибутировал изготовленную Ш. Пинкусом медную мерную четверть, украсившую собой экспозицию. Мерки сделаны из вылуженной красной меди. Поверху кружка как бы взята в обруч желтого металла, напоминающий лимб морского компаса. Из того же металла сделана и удобная прямоугольная ручка, надежно припаянная к корпусу. Фамилия медника либо выгравирована по гурту обруча, либо оттиснута на наружной боковой стенке. На том же обруче указана размерность: такая-то часть ведра, либо "полштофа", "штоф", иногда то и другое вместе. Очень часто здесь же выгравировано универсальное определение "чарка", причем на кружках одновременно нескольких мелких размерностей: это означает, что мерка использовалась для мелочной продажи в кабаках, на розлив. Имперский орел и слово "Одесса" могут быть как на обруче, так и на боковой стенке. Там же, сбоку, читаем "О. Г. У." — не Одесский госуниверситет, конечно, а Одесская городская управа. Рядом обычно оттиснут и год клеймения. Обращает на себя внимание забавное обстоятельство: донышки мерных кружек слегка вогнуты, то есть в погоне за выгодой кабатчики явно переусердствовали в приуменьшении отпускаемого клиентам объема горячего вина.

Здесь, правда, надо сделать существенную оговорку. Дело в том, что до 1863 года, то есть до ликвидации откупной системы и замены ее акцизной, мерные кружки несколько отличались от описанных — они изготавливались

из тонких листов гнутой латуни и часто даже из тривиальной жести. Такая технология позволяла деформировать и резать готовые изделия с целью надувательства потребителя. По этой-то причине управление питейно-акцизными сборами Херсонской и части Таврической губернии известило "одесских виноторговцев, чтобы имеющиеся в местах торговли вином меры из латуни и жести были заменены литыми: чугунными и медными, на точном основании 2782 статьи XI тома Свода законов гражданских (издание 1857 года), и что после настоящего объявления неверность мер и всякое злоупотребление в отпуске вина подвергнет виновного взысканиям на точном основании 1675, 1676, 1678 и 2257 статей Уложения о наказаниях".

Но вернемся в 1840-е годы, когда в Одессе развернулось производство собственных мер и весов. В эти годы их откупщиком состоял представитель известной купеческой фамилии Федор Волохов (очевидно, род происходит из Валахии — переселенцев называли волохами). В начале 1843 года он обнародовал сообщение о том, "что рунштук для экировки жидкостей находится в лавке Волохова при доме г-на Ксенофонта Прокопеуса и что бывший у него при городских мерах уманский мещанин еврей Бень Ходарков отныне при оных уже не находится". Из этого сообщения мы узнаем: откупная контора мер и весов помещалась в хорошо известном одесситам доме — "Два Карла", на углу Екатерининской и Греческой; непосредственно же экером до этой даты был Беньямин Ходарков. Как видно из сообщений ближайших лет "рунштук для экировки жидкостей попрежнему находится в лавке Волохова, при доме Прокопеуса".

Заказы на выделку мер и весов преимущественно еврейским медникам и лудильщикам, не исключено, объясняет то обстоятельство, что экерами при откупщиках были их соплеменники. Во всяком случае, за долгие годы мне ни разу не попадались мерки с именами немецких ремесленников. Есть и менее надуманное толкование: специализация, традиция. Судя по всему, подобные же заказы еще на рубеже 1840-1850-х стал получать и Шмуль Пинкус. Показательно, что не только в начале своей ремесленной карьеры, но и гораздо позже он работал как раз в немецкой среде, в так называемой Верхней колонии, на Кузнечной улице. Поскольку постановление местного акцизного управления питейных сборов 1863 года выполнялось далеко не в полном объеме, на рубеже сентября-октября 1865-го Городская дума распорядилась заменить находившиеся еще в широком обиходе паяные оловом "меры жидкостей" литыми. Изготовление таких мерок и подготовка их к клеймению возлагались на двух квалифицированных медников-евреев: Шмуля Пинкуса и Хаима Бурдока; мастер-

ская первого тогда уже находилась в центре, на Ришельевской, второго — на Преображенской улице, близ нынешней Тираспольской площади.

Как ни пытались унифицировать мерную тару, а она все же оставалась "хорошей и разной". Так, в моем собрании имеется, например, "классический" литой полуштоф 1868 года работы московского мастера М.Е. Суровцова в виде черпака. Всё тут в порядке — и литье, и клейма, и пристойный внешний вид, и приклепанная, а не припаянная ручка. А доньшко все равно чуть вогнуто, да и в целом изделие тяжелое, неудобное. То же касается и великолепного петербургского полуштофа тех же лет в виде традиционного усеченного конуса — даже пустой он массивен, тяжел, а наполненный и подавно. Мало того, "правильные" эти мерки были непомерно дороги. Поэтому в 1870-х сформировался, так сказать, комбинированный, синтетический вид мерной тары для жидкости, описанный выше: латунный литой обруч (изредка он опоясывал и доньшко), препятствовавший умышленному деформированию формы кружки, относительно толстые стенки и доньшко из красной меди, припаянная латунная ручка (на "четверти" таких ручек было две). "Хлебные меры" отличались от питейных размером и цилиндрической формой.

Шмуль Пинкус, мастерская которого в середине 1870-х располагалась на углу Ришельевской и Еврейской улиц, в доме Ралли, делал также и разновесы, чашки, стрелки, коромысла, доски и прочие запчасти для весов. А помимо тары для сыпучих материалов и питейной, делал квасную и молочную. Такие кружки изготавливались из жести, имели цилиндрическую форму и соответствовали квартовой, то есть, по существу, литровой размерности. Однако репертуар размеров был, конечно, менее широк, нежели у пивной тары — кто бы стал покупать 50 или 100 грамм молока, кумыса или квасу? Александр Де Рибас ностальгически вспоминает о настоящем клюквенном русском квасе, который счастливо потреблял в погребке близ Покровской церкви — большая жестяная кружка стоила всего одну копейку. Были еще мерные черпаки для фотожена (керосина), даже в советские времена остававшиеся латунными. Примечательный факт: петролеум и фотожен когда-то продавали стеклянными штофами, будто водку. Штофами, полуштофами, квартами реализовывали и писчие чернила — не эта ли практика впоследствии подсказала народное название третьесортных горячительных напитков?

Региональная история борьбы с обмером и обвесом настолько любопытна, курьезна и вместе актуальна, что вполне достойна не только историко-краеведческого, но даже юмористического издания. Никакие сверхточные весы и мерная тара, никакие клеймения, никакой строгий надзор, ни даже торговая полиция не смогли искоренить процветающее мошен-

ничество. Самое забавное заключается в том, что шулерские приемы, придуманные в допотопные времена, с немалым успехом используются и по сегодняшний день. При инспектировании базаров и торговых заведений обнаруживались десятки и сотни неклеяемых самодельных гирь, посуды, аршинов, составлялось по дюжине и более протоколов в день. При этом, например, определялся обвес в восемь золотников на фунт, то есть 34,08 грамма на каждые 409,5 граммов — впрочем, довольно скромно по нынешним меркам. Описываются и другие известные нам "технологии", при которых продавцы придерживают чашку весов гирею, вставляют "косточку" в стрелку, подтягивают свешивающийся с чашки кусок мяса, а при продаже дорогостоящего продукта — табака, чаю, пряностей и проч. — используют толстенную бумагу. Неверные меры и веса подлежали конфискации, при этом гири "с недовесом" разрешалось уменьшать до следующего меньшего калибра и использовать, но категорически запрещалось наращивать урезанные разновесы до норматива путем наложения колец, припайки или иным способом.

Гири и разновесы фигурируют и в ретроспективной криминальной хронике. Так, однажды 5-фунтовая гиря сделалась холодным (?) оружием. Некие злоумышленники до ночи выпивали в питейном доме на Молдаванке, а когда дело подошло к расчету, зверски поколотили упомянутым разновесом хозяина заведения, Мошку Касьвина, и тещу его, Лею Фломенблит, а бросившуюся на выручку жену хозяина, Фейгу, слегка придушили, после чего унесли всю выручку — 14 рублей. Следующий сюжет на ту же тему так и хочется назвать "Пилите, Шура, пилите": "Из дегтярной лавки Кременецкого мещанина Абрама Вайнера при доме Билифштейна на Греческой улице в ночь на 3 января похищено 11 двухпудовых и две двадцатифунтовые гири".

Как было сказано, каменный павильон городских мер и весов в течение многих десятилетий находился на Тираспольской площади. Здание это так и называли — "Весы и меры". Именно здесь до весны 1874 года производилась поверка и клеймение гирь, весов, мерной посуды, аршинов и т. д. Полученные в 1850-е годы из столичного депо мер копии ведра, четверти, фунта и аршина хранились в городской управе, а тут были точные копии этих копий. Регламент определял специальный раздел "О торговых мерах и весах" XI тома Свода имперских законов. Заведения, "художники" и мастера, получавшие особые свидетельства на изготовление мер для сыпучих и жидких материалов, гирь и коромысел для весов, саженей и аршинов, обязывались иметь в своем распоряжении соответствующие клей-

менные образцы для поверки. Кроме того, они должны были проставлять свои собственные именные клейма, а уж затем вторично поверять меры и веса у экера, который налагал казенные клейма.

После пуска днестровского водовода было решено снести обветшавшее строение и устроить на его месте фонтан. Работы по разборке продолжались с 4 марта 1874 года около двух недель, а 5 августа приступили к сооружению фонтана, который в дальнейшем просуществовал до устройства бельгийским анонимным обществом трамвайного павильона, в свою очередь разобранного в первой половине 1960-х. Что касается новой поверочной камеры, то с начала 1880-х она помещалась в так называемом Городском доме — в полуциркульном здании на Николаевском бульваре, № 7. Работала эта институция дважды в неделю и обладала двумя полными комплектами копий государственных эталонов мер и весов.

До самых последних десятилетий XIX века в городе по существу не было специализированных предприятий, производивших исключительно комплектные весы и запчасти к ним: этим, как уже упоминалось, попутно занимались крупные литейные и механические заводы. Но к этому времени спрос вырос, и предложение не заставило себя долго ждать. Правда, до самого рубежа 1880-1890-х в Одессе функционировала лишь две такие фабрики: Ильи Каца, на Институтской улице, № 3, и Густава Мирендзе, на Прохоровской площади. К середине 1890-х фабрик весов было уже четыре, и все они находились на Молдаванке. А в 1914 году перечень местных производителей насчитывает уже десяток позиций, и в их числе снова сплошь еврейские и немецкие ремесленники и предприниматели: Алуф, Бемер, Бернштейн, Бергман и Евзеров, Кантер, Кац, Маклер, Мирендзе, Перниковский, Пинкус. Да-да, именно Пинкус. Но не Шмуль, а его сын Герш. Когда ушел из жизни отец, я не знаю. Полагаю, в весьма преклонных годах — поскольку сохранились мерные кружки, изготовленные им во второй половине 1880-х (в моем собрании имеется полуштоф 1885 года). То есть ремеслом своим он занимался не менее 40 лет подряд, а прежде того должен был много лет прослужить в подмастерьях.

Точная дата преобразования Г.Ш. Пинкусом отцовской кустарной мастерской в фабрику пока неизвестна. Предприятие это упоминается в справочниках со второй половины 1900-х по Старорезничной, № 28. Кроме того, у коллекционеров имеются бланки и счета фабрики, датированные первой половиной 1900-х. В 1911 году Герш Шмулевич значится мастером котельно-кузнечного цеха, причем адрес предприятия тот же, а домашний — Книжный переулок, № 15. В 1912-м все остается по-прежнему, а по адресу

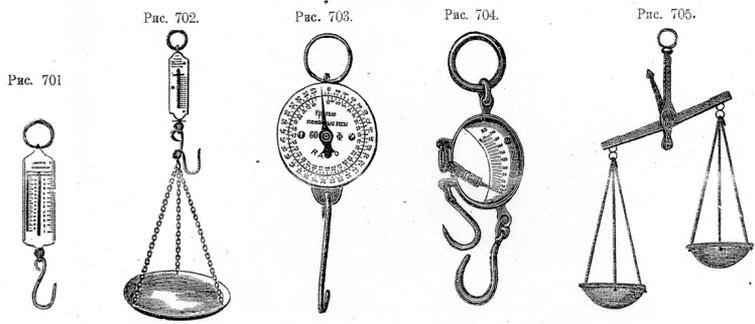
Книжный переулок, № 3 числится проживающим брат Герша — Ицко Шмулевич. В 1913-м и далее Г.Ш. Пинкус проживает уже по Пантелеймоновской улице, № 99. Наконец, перед первой мировой войной, сохранив собственное предприятие, Пинкус становится соучредителем торгового дома Южного товарищества производства весов "Х. (Хаим Иосель) Маклер и Г. Пинкус", прописанного по улице 19 Февраля, то есть Госпитальной, № 32. Из некоторых источников явствует, что Герш Шмулевич не только производил собственные весы, но и реализовывал изделия других фирм, отечественных и зарубежных, чьи представительства и отделения находились в Одессе.

Небольшой сюжет, связанный с Яковом Кантером — владельцем другой небезызвестной фабрики весов, располагавшейся сначала по Малой Арнаутской, № 109, а затем также переместившейся на Молдаванку. Довольно долго и я, и замечательный краевед Ростислав Александров, полагали, что ручные пружинные весы типа динамометра старожилы называют "кантером" по имени их давнего производителя. Мы терпеливо искали хотя бы один образец такого "кантера" в антикварных лавках, на развалках Староконного, у коллекционеров, однако безрезультатно. Это было тем более странно, что, по идее, они должны были выпускаться огромными партиями. Поиски завершились в истинно одесском духе.

В каталогах крупных универсальных магазинов и их поставщиков начала прошлого столетия имеется раздел "Весы разные". Так вот, интересующие нас "кантеры" — с плоской градуированной латунной шкалой, рассчитанные на 25, 30 и 40 фунтов, — здесь всегда именовются "весами пружинными с крючком", причем производители — исключительно английские и немецкие. Нам, кстати говоря, только такие и попадались. А вот "кантерами" на самом деле именовались другие, рассчитанные на более солидные грузы, от шести до девяти пудов, с поворотной стрелкой (см. фото). Впрочем, не "кантерами" они назывались, а "*весами-кантипу*" — вероятно, от английского слова *count* — считать или *counter* — счетчик, поскольку такие весы производились в Англии. Кстати, и на более привычном тогдашним одесситам итальянском "считать" звучит как "контаре". Вот и выходит, что старая Одесса просто-напросто переосмыслила, перетолковала этот специальный термин и связала "весы-кантипу" с фа-

II. Хозяйственные принадлежности. ВѢСЫ РАЗНЫЕ.

		На 25	30	40 фунт.
Рис. 701.	Вѣсы пружинные, съ крючкомъ, англійск.	За дюж. Руб. 1.40	3.40	6.80 к.
"	" " " " " нѣмецк.	" " " 1.25	3.20	4.40 "
"	" " " " " варшав. лучш.	" " " 1.10	2.70	—
" 702.	" " " " чашкой, англійск.	" " " 5. —	8. —	12.60 "
"	" " " " нѣмецк.	" " " 4.80	6.80	9.60 "
" 703.	" " " " циферблатомъ до 60 фунтовъ.	Съ крючкомъ.		Съ чашкой.
	За дюж. Руб.	5.40		10.80 к.
" 704.	Вѣсы-кантари, сортаментъ отъ 6 до 9 пудовъ.	За дюж. Руб.	4.40	"
" 705.	Вѣсы аптекарскіе съ роговыми чашками	въ 2	2½	3
	За шт. Руб.	—90	1.05	1.25 1.50 к.

миліей местного производителя весов Я.М. Кантера, который динамометров, судя по всему, вообще никогда не производил.

Помимо пружинных весов с крючками в те годы реализовывались замены, весы аптекарские, "весы семейные" — с циферблатом и чашкой, рассчитанные на 20-40 фунтов, весы системы Беранже, настольные — до 30 кг, весы десятичные напольные — от 5 до 100 пудов (стоимостью от 15 до 143 рублей), весы напольные американские — от 15 до 75 пудов (от 54 до 135 рублей), весы для писем, весы для зерна, весы для золота и др. Отдельно продавались коромысла, стойки, доски, клейменные чашки, цепи, гири (медные и чугунные), кади и хлебные меры. Между прочим, солидная хлебная мера с латунным ободом по венчику с оттиснутым гербом и годом сильно напоминала меру питейную — разве что такую громадину не осилил бы никакой Захар Воробьев.